

Боль зияет пустотами.
Ей не вспомнить — давно ли
Она родилась и было ли время,
Еще не знавшее боли.
Она сама — свое будущее.
Попав в ее вечный круг,
Прошедшее зорко пророчит
Периоды новых мук.

*Эмили Дикинсон*¹

¹ Перевод В. Марковой.

Пролог

В начале одиннадцатого ночи, опрокинув около четырнадцати тумблеров неразбавленного виски, я побрел через парковку к своему автомобилю. Если вы собираетесь вести машину в изрядном подпитии, вам следует быть готовым к тому, что это может стоить вам денег, свободы, в конце концов, жизни. Причем не только вашей.

Я знал, что попаду в беду, как только мои руки коснулись рулевого колеса. Это не было предчувствие — нет, я просто знал это. Той осенью мой физический возраст сравнялся с возрастом моего отца на момент его смерти, и я не мог не чувствовать некой связи с ним.

Пустынное шоссе — десять миль однообразного леса и однотипной обочины — тянулось в коридоре деревьев. Я на миг прикрыл глаза, а когда открыл их, на дороге был человек. Он почти дошел до двойной сплошной. Помню, в тот момент меня посетили две мысли. Первая: у него нет фонаря, значит, он шагал по лесу в темноте. Вторая: какого черта он не выглядит испуганным.

Человек повернул голову и посмотрел на меня, наши взгляды встретились. На короткий миг мы были достаточно близко, чтобы заглянуть в мир друг друга. Я смотрел ему в глаза, когда сбил его на скорости сорок миль в час. По ветровому стеклу выстрелили длинные извилистые трещины, что-то прогрохотало по крыше и свалилось на дорогу в красном свете тормозных огней.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Толкнув дверцу, я вывалился на дорогу и, спотыкаясь, опустил взгляд — убедиться, что не обмочился. На асфальте остались алые полосы, которые вели под

деревья, в темноту. Я представил, как он подтягивает за собой ноги и всхлипывает от боли. Однажды я подстрелил олениху и шел по следу, крови на траве становилось все больше — хороший знак для охотника, выслеживающего подранка. Люди, которые никогда не были на охоте, полагают, что главное — попасть в цель. Отчасти они правы. Добычу еще надо отыскать. Когда я нашел олениху, она была уже мертва.

В свете фар упали первые снежинки. Именно тьма сделала свет таким ярким, а страх — ослепительным. Запрыгнув за руль, я дал по газам, а по возвращении домой выдул бутылку водки, вырубился на полу в гостиной и пролежал так до утра.

Утром я решил убедить себя, что это был олень. Конечно, почему бы и нет? Но у оленей не бывает таких глаз, возразил внутренний голос. Такие глаза привычнее видеть на морде волка.

В течение следующего месяца я был занят тем, что постоянно просматривал новости и ждал появления полиции на крыльце своего дома. Пробовал найти то место, в дальнейшем множество раз проезжал мимо, однако ничто не екнуло во мне, не шепнуло «остановись», холодок не сполз по позвоночнику. Снегопад скрыл кровь, я заменил ветровое стекло, потом — машину.

Со временем страх притупился. Я перестал просыпаться посреди ночи с бешено колотящимся сердцем, цепляясь за руль. Правосудие или кровь? Ну, вообще-то ни то ни другое. Предполагаемое убийство не повлекло за собой никаких последствий: я не сел в тюрьму, не попал в аварию, не поскользнулся и не разбил себе голову об унитаз. Если тот тип и выжил, то убрался куда подальше. Забрался в глушь, словно раненый зверь — в нору. Вряд ли он помнил о той ночи больше, чем я, верно?

Так я думал.

Последствия ждали меня в белом конверте два года спустя. Простые и понятные, точно удар Колодой по затылку или шипение газовой горелки.

Но обо всем по порядку.

Часть первая

ХОРСЛЕЙК

1

Сквозь щель в неплотно задернутых шторах пробивался тусклый свет. Я открыл глаза с ощущением, будто сам себя уложил спать ударом кувалды, а потом вторым ударом — вышиб из темноты обратно в кровать. Часы показывали 7:31.

Накинув халат, я потащился в ванную, наполнил стакан водой из-под крана, бросил в него таблетку и, чувствуя, как колючие брызги осыпают лицо, попытался вспомнить, что было вчера. Две вещи я делал неизменно: отмывал кисти и палитры после работы, а по утрам отвечал на электронные письма. Последнее воспоминание: рухнув поперек кровати, я пинком скидываю запрыгнувшего на нее Гилберта. Затем — ничего, черный экран, будто кто-то выдернул шнур из розетки.

— Отлично выглядишь, спящая красавица, — сказал я своему отражению.

Мои глаза были налиты кровью и смотрели без всякого интереса, волосы всклокочены, а пятна краски покрывали руки, грудь, даже резинку трусов.

В сумраке облачного утра дом казался стерильным и безрадостным. Пересекая холл, мимо ярких пятен абстракции «Без названия XXV» Виллема де Кунинга, я хрипло позвал:

— Гилберт!

Большое блюдо на обеденном столе пустовало с октября, с тех пор как зеленые яблоки покрылись пятнами. Поблескивали огромная вытяжка и профессиональная плита с двойным духовым шкафом, которыми я ни разу не пользовался. Кухонные ящики выдвинуты, шкафчики открыты. Что я искал накануне? Может,

пытался приготовить? Мое представление о готовке сводилось к «достать из морозилки и сунуть в микроволновку».

Я забрался на табурет возле мраморной столешницы вместе с галлоном апельсинового сока и, кажется, на некоторое время отключился.

* * *

Когда я пришел в себя, было по-прежнему тихо. Я жил в пригороде Шардона — небольшого городка на северо-востоке штата Огайо с населением в пять тысяч человек. Даже в шумные дни на Холлоу-драйв было спокойнее, чем в склепе. Но в этом молчании всегда присутствовал цокот собачьих когтей.

В гостиной на диване осталась вмятина; я коснулся ее — ледяная. Гилберт, американский бульдог по происхождению и говнюк по призванию, становился настоящей бойцовской собакой, самоотверженной и исключительно сообразительной, лишь в двух случаях: когда я пытался согнать его с дивана или грозился отобрать Коржика¹, его любимую игрушку.

Коржик лежал тут же, таращась на меня пустыми глазами с разъехавшимися зрачками.

Выпрямившись, я вдруг подумал, что шум, который производил Гилберт, был самой естественной вещью на свете, словно тиканье часов или гудение кухонных приборов. И теперь, когда он прекратился, я почувствовал, как необъяснимый страх сдавливает живот.

Назвать пса Гилбертом было идеей Вивиан, я даже помнил в честь кого — нет, не портретиста Стюарта, а писателя Честертона, чей роман «Человек, который был Четвергом» она в тот момент читала. Почему бы и нет? По большому счету мне было все равно, назови Вивиан щенка хоть Антон Шандор ЛаВей.

Дом был слишком пустым, слишком молчаливым.

Тогда я распахнул стеклянную дверь и вышел на задний двор. Ночью прошел первый снег. Шезлонги и кусты можжевельника

¹ Вымышленный персонаж в детском телешоу «Улица Сезам»; прожорливый монстр, покрытый синим лохматым мехом.

ПУСТЫЕ КОМНАТЫ

придавили белые шапки. Слева из снега торчали остатки цветника Вивиан: что-то высохло, что-то продержалось дольше и погибло от холодов, а что-то — от моей руки.

— Гилли!

Пес не выбежал мне навстречу, рыча и пытаясь повалить на землю.

Оглянувшись на дверь, ведущую в тепло, я запахнул халат из шелка и кашемира и спустился по ступеням в пухляк. Во мне шевельнулось узнавание, когда снег коснулся подошв ног. Без всякой на то причины мысль, что я найду пса, надо только пересечь сорок ярдов целинного снега, заставила мое сердце учащенно забиться.

Через двадцать ярдов я проехался пяткой по еще не успевшей промерзнуть куче. Она была замаскирована снегом, а значит, сделана засветло. Если бы Гилберт участвовал в соревновании Самая Большая Говешка, то стал бы призером. Я снова оглянулся и заметил теплый проблеск «Стога сена на закате» — одну из трех репродукций из знаменитой серии Моне, которые я держал. На самом деле изображенная на полотне конструкция была зернохранилищем из пшеничных колосьев с конической соломенной крышей, защищавшей зерно от дождя и грызунов.

Возюкая пяткой, я решил угостить Гилберта крепким пинком, как только найду.

Я почти добрался до деревьев, когда увидел кровь — всего несколько капель, но их хватило, чтобы мой желудок заledenел, будто туда всыпали ведро колотого льда. Знаю, мне следовало вернуться за ружьем, но когда неизбежное рядом, хочется, чтобы оно стукнуло тебя как можно скорее. Не обращая внимания на ветки, цепляющиеся за халат, я пер, как заводной, пока не нашел его.

2

Первые несколько мгновений я видел картину Джексона Поллока «Глубина», кровь превратилась в мазки желтого.

Гилберт заскулил и попытался отползти, таща за собой налипшие на него иголки.

Меня бросило в жар, ощущать что-то на горле стало невыносимо. Очертания деревьев то наплывали, делаясь четкими

до рези, то размывались. Я стукнул себя кулаком по лицу и часто заморгал. Вокруг были следы: полные отпечатки подошв ботинок четырнадцатого размера, присыпанные снегом, но все равно безошибочно различимые. Они огибали Гилберта против часовой стрелки, тянулись мимо куста и терялись среди деревьев. На ветку куста брошено что-то вроде полотенца, набравшегося краски. Я отстраненно подумал, что с собой у него, вероятно, был арсенал средневекового инквизитора. Или рабочий комплект маньяка-убийцы. Впрочем, достаточно одного шкуроръемного ножа.

В висках стучало. Как и тогда, когда пухляк коснулся моих ног, при виде Гилберта во мне шевельнулось узнавание. Я вспомнил своего первого освежеванного оленя, четырнадцать лет назад. Это был крупный самец, я не стал подвешивать его, поскольку уже темнело, а я не хотел возиться с автомобильной лебедкой. Сделал все на куске брезента, закончил уже в свете фонаря. Олени созданы для боли. Другое дело домашние питомцы. Я мог пнуть Гилберта, но я бы никогда...

— Гилли, все будет хорошо. Ты поправишься, вот увидишь.

Постепенно он затих. Я представил, как поднимаю его на руки и везу в ветклинику, причиняя ему еще большие муки. Надо выбрать между страданием и избавлением.

Его зрачки были расширены от непроходящей боли; они все решили за меня.

Давай, Дэнни. Один хороший глоток, вернее, удар. Будешь послушным парнем или бунтарем? Учти, бунтари доживают до финала и им достаются все женщины.

Долго искать камень не пришлось. Я оборвал мучения Гилберта, после чего отвернулся, сделал два шага, и меня вывернуло.

3

Я вернулся в дом в распахнутом халате, шлепая босой ступней по каменному полу. Должно быть, где-то потерял правый тапок.

На журнальном столике в гостиной лежал белый конверт. Я тарасился на конверт. Был он там полчаса назад? А что бы

ПУСТЫЕ КОМНАТЫ

сделали вы, узнай, что кто-то вторгся на вашу частную собственность, надругался над вашей собакой, ходил по вашему дому? И это не Санта-Клаус, Мария, Иосиф и рождественский ослик. Даже не ваш арт-агент.

Ярость была подобна вспышке. Я обрадовался ярости, моему давнему другу, и бросился за ружьем, которое хранил в заряженном виде и не под замком. Схватив ружье, я бегал по дому — в халате, трусах и в одном тапке, — переполненный решительности вышибить убудку мозги. Но вскоре начал задыхаться — отчасти из-за похмелья, но еще и потому, что был не в форме. Ярость уступила место страху, а страх — опустошению.

Я потащился обратно в гостиную и вскрыл конверт. Внутри была открытка, изображающая пса в красных оленьих рогах, который сидит в стеклянном шаре со снегом и желает всем счастливого Рождества.

Трясущимися руками я развернул открытку. Буквы заполняли страницу сверху донизу, не мельча, но и не превращаясь в каракули. Почерк был аккуратным, как выложенные в ряд вальдшнепы, получившие частичный заряд дробы, «у» и «р» — их цепкие клювы. Кто бы это ни написал, он был методичен, но замкнут; из тех, кто тихо занимается своим делом и достигает в этом определенного мастерства.

«Дэниел, к тому моменту как ты будешь читать это, Гилберт должен быть уже мертв. Другой на твоём месте продлил бы его мучения. Но не ты. Ты видел его зрачки и отыщешь камень потяжелее. Как охотнику, тебе наверняка известна биологическая система хищник — жертва. Впрочем, неосторожный или потерявший бдительность охотник тоже может стать добычей. Приезжай по указанному адресу. Оставь машину на Главной улице, разбей палатку недалеко от особняка. Я найду тебя, когда все будет готово. Ах да, не советую обращаться в полицию или рассказывать кому-нибудь о письме. Иначе всем станет известно, что два года назад ты сбил человека и уехал с места аварии. Дэниел, я рассчитываю на твоё понимание».

Из конверта на стол выпали фотографии брата, матери и Вивиан.

Поднявшись в спальню, я достал из встроенного шкафа спортивную сумку и, помедлив, зарыл лицо в белый кашемировый свитер, пахнувший яблоками «Гренни Смит»...

В день, когда Вивиан собрала вещи, я обезумел. Нет, не от горя. Все, о чем я мог думать: «Эта сука оставила проклятого пса». Мы вместе поехали в питомник, вместе выбрали щенка, она придумала ему имя, я вытирал за ним лужи, выгребал за ним дерьмо. И в тот момент, когда она шла с дорожной сумкой к своей синей «Хонде», я осознал масштаб катастрофы.

— Мамочка с папочкой ссорятся, — прорычал я и хотел схватить Гилберта за ошейник, но он цапнул меня за руку.

Тогда я схватил металлическую миску и, рассыпая собачий корм по всей кухне, рыча «смотри на меня, сука, когда я с тобой разговариваю», выскочил на улицу. Сделал несколько шагов, замахнулся — и свалился в куст гортензии.

Вивиан вернулась и сказала, что знает, что я все еще люблю ее, просто мне не хватает сил вытащить свою лучшую часть. Дэн, позвони, когда протрезвешь.

Удивительно, что я запомнил ее слова — и ничего из того, что предшествовало им.

Той ночью были первые заморозки, и я пролежал бы в кустах до утра, однако Гилберт соизволил покинуть диван и полаивал у распахнутой двери. В круге света от фонаря моросил дождь. Капли крови размером с десятицентовик вели по ступеням в холл. Подхватив миску, я заполз обратно в дом, оставляя за собой отпечатки пятки — порез снова открылся.

В холле я остановился. Размашистые следы, состоящие из неполного отпечатка правой ступни двенадцатого размера, взлетали по лестнице на второй этаж, потом — обратно в холл, сворачивали на кухню, откуда устремлялись прямоком на улицу. Их сопровождали редкие капли — раздавленные ягоды рябины, как раз созревшие в сентябре. Я осмотрел себя: откуда капли?

В гостиной кровь была повсюду: там, где я мазнул рукой белую стену, брызги на журнальном столике и на «Стоге сена» («Стога

ПУСТЫЕ КОМНАТЫ

сена» и «Сток сена на закате» не пострадали). Но больше всего ее было возле небесно-голубых осколков бутылки.

Слишком много, онемев, думал я. Слишком много для одного, пусть и глубокого пореза.

Водка, смешавшись с кровью, смахивала на клюквенный сок.

Что, если... Вивиан... Господи, что я натворил?

Когда я собирал осколки полотенцем, то заметил порез на безымянном пальце; обручальное кольцо потемнело под высохшей коркой. Вот откуда капли.

Я снова стал ждать, что на Холлоу-драйв нагрянет полиция. Рваные вспышки проблесковых маячков, громкие голоса, отдающие приказы, стук ботинок, нержавеющей стали часов сменит браслет наручников.

Но этого не произошло, жизнь вернулась на орбиту похмелья и завращалась вокруг него подобно колесу с магазинной тележки — медленно, со скрипом. Потеря Вивиан заставила меня работать на пределе возможностей, а также со всей страстью отдаваться бутылке. Я отметил свое тридцатипятилетие. Вокруг были люди, но именно так одиночество ощущается острее. Говорят, одиночество необходимо для того, чтобы понять, кто ты есть. Ерунда. Я это понял еще давно.

Разве мог я после такого позвонить Вивиан? Смотреть ей в глаза? Сколько боли ты можешь причинить женщине, которую любишь?

* * *

Бросая в сумку трусы и носки, я вдруг кое-что вспомнил. Это произошло недели две назад. В тот вечер, по обыкновению быстро накатив после утомительного дня, я рухнул в кресло, голый по пояс, в засохшей краске. Каждый алкоголик знает, что из всего разнообразия пьяниц худшими являются те, кто напивается в одиночку. Гилберт с безразличием уставился на меня, не отрывая морды от Коржика.

— Скучаешь по ней? — спросил я.

Во взгляд Гилберта просочилось презрение. С тех пор как мы остались вдвоем, Гилберт решил, что превосходство на его